

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПЕРСУАЗИВНОЙ ФАКТУРОЙ РУССКОГО ГЛАГОЛА

СРБУИ ЛАМБАРДЖЯН

*“...рассмотрение языка как орудия мыслей
и чувств – основа подлинного языкового исследования”*

В. фон Гумбольдт

В лингвистике наличествует целый ряд пониманий персуазивности. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой под персуазивностью понимают один из центральных, стержневых компонентов субъективного (модусного) блока смысловой структуры предложения, отражающий степень уверенности говорящего в соответствии информации реальному положению дел¹.

Модусный блок, как известно, призван проводить в жизнь коммуникативные цели, задачи, намерения языковой личности. Персуазивность играет важную роль в формировании позиции говорящего в коммуникации. Следовательно, данная субъективная категория является одной из важных в системе идей и понятий антропоцентрической научной парадигмы и любые поиски в рамках данной парадигмы актуальны.

Персуазивность формируют два гиперзначения – уверенность и неуверенность, каждая из которых распадается на ряд значений. Значения уверенности/неуверенности представляются, как известно, двумя способами – имплицитно (нулем) и эксплицитно. В последнем случае русский язык предоставляет целый ряд средств: вводно-модальные слова (*конечно, может быть, наверно, кажется* и под.), модальные частицы (*разве, неужели, вряд ли, едва ли...*); предикативные единицы (*Я уверен/ не уверен/ сомневаюсь...*); фразеологические единицы (*впасть в сомнение, Бог знает, бабушка надвое сказала...*); стационары (*Да ну?! Что вы несете?!* и под.).

В настоящей статье в центре внимания – персуазивная доля в семантике русского глагола. Осознавая, что в языке все взаимосвязано и взаимобусловлено, что нет ничего вне контекста, попытаемся предельно сосредоточиться на “внутреннем контексте”, на том, что позволяет смысловой объем глагола: любое “расширение”, даже до формата словосочетания способно трансформировать персуазивное значение.

¹ См.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., “Иностранная литература”, 1955. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., “Высшая Школа”, 1977; Шмелева Т.В. Смысл и формальная организация двухкомпонентных инфинитивных предложений в русском языке. М., АКД, МГУ, 1979.

Так, например: *читать* – конкретный глагол, семантика которого непосредственно не соотносится с уверенностью/ неуверенностью. Но *читать в мыслях и душах* – иное дело. В данных устойчивых сочетаниях основной смысловой компонент – ясновидение, т.е. *быть уверенным в том, что в принципе невидимо*. Как видим, расширение даже на одну лексическую единицу “искажает” персуазивную картину.

“Персуазивное прочтение” семантики русского глагола позволяет сделать следующее первичное разбиение: 1) глаголы, прямо не ассоциирующиеся с семантическими полями уверенности/ неуверенности и 2) глаголы, имеющие в своей смысловой структуре персуазивный компонент. К первому классу можно отнести глаголы с конкретным значением: *читать, писать, рисовать, обедать, одеваться, вышивать* и под.

Ко второму классу относятся глаголы, в семантике которых наличествует персуазивный компонент: *сомневаться, казаться, предполагать, мнить, надеяться, колебаться, шататься, чудиться, убеждаться, удивляться* и под.

С позиций персуазивности последнюю группу глаголов можно разделить на два типа:

1. глаголы-персуазивы, первичная функция которых – передача значений из семантических областей уверенности/ неуверенности;
2. глаголы, реализующие указанные значения во вторичной функции.

К глаголам-персуазивам относятся: *предполагать, догадываться, сомневаться, казаться* и под. Ко второй группе относится большое количество глаголов типа *чудиться, грезить(ся), чаять, мечтать, фантазировать, маяться, метаться, удивлять(ся), доказывать* и т.д.

Персуазивно значимые глаголы в своей смысловой структуре содержат информацию из семантических областей уверенности/ неуверенности. Но это не значит, что она (информация) отражена во всех случаях одинаково, “однолинейно”. Одни глаголы раскрывают свою персуазивную сущность в выражаемых ими психоэмоциональных и мыслительных процессах, другие – в отражаемых ими коммуникативных процессах, третьи – в “дискурсивном прочтении”. Ясно, что “чистых” реализаций нет, один и тот же глагол отражает все намеченные грани и больше: все взаимопроникаемо, зыбко. Но для четкости анализа будем придерживаться предложенного разбиения, т.е. предпочтение будет отдано той грани глагольной семантики, в которой персуазивный компонент представлен наиболее рельефно. Подчеркнем, что в анализе будем отсылаться на данные “Словаря русского языка” С.И. Ожегова².

Итак, глаголы психоэмоциональные и мыслительные с персуазивным семантическим компонентом.

² См.: **Ожегов С.И.** Словарь русского языка. М., Госиздат. иностр. и нац. словарей, 1953. Далее ссылки на страницы данного словаря указываются в тексте в скобках.

Глаголы психоэмоциональной семантики. Это глаголы, отражающие тяжелые состояния сна-яви, раздвоения, потери самоидентификации, сомнамбулы – *казаться, сомневаться, мниться, чудиться, мерещиться, колебаться, метаться, маяться* и под. Они отражают разные положения дел, но всех объединяет одно: в их семантике представлены компоненты – *неустойчивость, нестабильность, шаткость*, т.е. смысловые доли, составляющие ядро поля *неуверенности*.

В отражении персуазивных значений приведенная группа глаголов неоднородна: одни глаголы выражают персуазивное значение прямо (*сомневаться* и под.), другие – опосредованно (*чудиться, мниться, мерещиться, волноваться* и под.).

Последняя группа глаголов (т.е. глаголы-неперсуазивы) интересна тем, что отражает разные картины мира при реализации компонентов из областей уверенности/неуверенности. На этой основе условно можно выделить следующие группы:

а) глаголы, передающие персуазивные смыслы через разнообразные движения: *колебаться, шататься, метаться, маяться* и под. Сюда же можно отнести глагол *волноваться*; и здесь наблюдается отражение неустойчивости через движение в виде приливов и отливов (что присуще движению волн).

Во всех этих глаголах компонент *неустойчивость, нестабильность, шаткость, словом, неуверенность* передается с помощью колебательного движения, отражающего идею переходов. Причем, одни из рассматриваемых глаголов передают идею *колебания* прямо (*колебаться, шататься, метаться*), другие – опосредованно (*сомневаться, казаться, мерещиться, чудиться, грезиться*). Казалось бы, что в этих глаголах трудно усмотреть колебательные движения, но это на первый взгляд. Все они отражают тяжелые психоэмоциональные и ментальные состояния: сон-явь, *раздвоение, сомнамбулы*. А подобные состояния всегда сопровождаются переходами мыслей и чувств от одного “полюса” к другому, метаниями, неспособностью определиться. Это и есть проявления неустойчивости, нестабильности, мнительности, кажимости.

В группе рассматриваемых глаголов можно наблюдать и следующее: одни из них при отражении смыслового компонента из семантической области неуверенности соотносятся со зрительным восприятием, (*казаться, мерещиться, чудиться* и т.п.), другие – с внутренними процессами, происходящими в мыслях и чувствах (*сомневаться, мниться, сниться* и т.п.).

Все рассматриваемые выше глаголы содержат персуазивный смысловой компонент из области неуверенности, отражая тяжелые психоэмоциональные состояния *шаткости, нестабильности, сна-яви*. Это состояние можно представить следующим образом: *Я не уверен в реальности “А”; не могу определиться, колеблюсь.*

В рассматриваемых глаголах идея колебания, неустойчивости может быть “первоочередной” (*колебаться, маяться, метаться, волноваться*); или “на втором плане”, так как уступает место другим психоментальным состояниям. Например: *казаться* – представляться мысленному взору/воображению (неустойчивое, “туманное” и “подвешенное” состояние). Как пишет С.И.Ожегов: “Казаться: представляться воображению” (с. 208).

Естественно, все приведенные глаголы отражают тяжелые психоэмоциональные состояния, сопровождающиеся разными эмоциями: тревогой, страхом, боязнью, фобиями.

Следующая группа глаголов с персуазивной смысловой составляющей – это глаголы, где отражены психоэмоциональные состояния, нацеленные вектором на будущее: *надеяться, чаять, мечтать*. Их объединяет персуазивный компонент: *Я знаю, я уверен, что этого нет в действительности*.

И это обусловлено нацеленностью значений рассматриваемых глаголов на будущее. А будущее, как известно, может быть основой только для предположений, прогнозов. Следовательно, употребление указанных глаголов – это и передача персуазивной информации: *Я понимаю, что это предположение/ прогноз*. Причем, *надеяться, чаять* и под. прибавляют еще один смысловой компонент – желание обязательной осуществимости; в глаголе же *мечтать* этот компонент может наличествовать или отсутствовать. Есть просто состояние, когда Я-эго строит воображаемые ситуации, положения дел, осознавая, что они неосуществимы. В этом плане более определенной является семантика глагола *фантазировать*, где мотив *Я уверен, что рисуемое в моем воображении неосуществимо* звучит более отчетливо. На это же указывает и С.И. Ожегов в толковании: “Фантазировать – предаваться фантазиям, несбыточным предположениям” (с. 785).

Еще одна группа глаголов с персуазивной смысловой составляющей – это глаголы *ревновать, доверять, подозревать*. Они отражают сложнейшие психоэмоциональные состояния, стержнем которых является смысловой компонент: *сомневаюсь/ не сомневаюсь*.

Ревновать. Согласно словарю Ожегова, *ревновать* значит: “Испытывать чувство ревности. Ревность – мучительное сомнение в чьей-либо верности” (с. 619). Как видим, словарь дает в качестве стержневого смыслового компонента именно сомнение.

Более сложное “прочтение” предлагает пара *доверять/подозревать*. Их можно считать антонимами на основе оппозиции *сомневаюсь/не сомневаюсь*. Но обратимся опять к Ожегову: “Подозревать. Иметь подозрение против кого-нибудь” (с. 501). Что касается глагола *доверять*, то рассматривается только форма совершенного вида, которая имеет конкретное значение: “Доверить. Проявляя доверие, поручить. Доверить кому-нибудь свои деньги” (с. 544).

Попытаемся раскрыть персуазивную сущность этих глаголов. В их семантической матрице обязательно наличествует компонент: *Я, говорящий, не осведомлен в реальном положении дел, поэтому не могу быть уверенным в X*, следовательно, основа – неуверенность. И противостояние здесь только в компонентах *сомневаюсь/ не сомневаюсь*.

В *доверять* говорящий не сомневается в достоверности того, что ему предоставляет другое лицо. А в *подозревать*, наоборот: *Я, говорящий сомневаюсь в достоверности того, что мне навязывается*.

“Особняком” стоит глагол *раздваиваться/ раздвоиться*. В нем спрессованы и психоэмоциональное, и мыслительное начала. Раздваиваются и мысли, и психика, поэтому данный глагол “дважды персуазивен” с точки зрения двух рассматриваемых граней *Я-эго*. Психоэмоциональное прочтение следующее: *Я не в состоянии определиться: все нестойко, неопределенно, все сон-явь*.

Отраженная в глаголе *раздваиваться/ раздвоиться* “психическая” картина мира указывает на ряд заболеваний: депрессии, мнительность, раздвоение личности, потеря способности самоидентифицироваться, сомнамбулы, фобии, мании.

Словом, *раздваиваться, сомневаться* – это потерять ориентиры, а положения дел, отражаемые в семантике данных глаголов, лежат в основе персуазивных смыслов всех рассмотренных выше глаголов (прямо или косвенно соотносящихся с полями уверенности/ неуверенности).

Перейдем к глаголам, выражающим мыслительные процессы. Начнем с глагола *сомневаться*, так как он отражает не только сложнейшие психоэмоциональные состояния, но и мыслительные процессы. Он отражает колебания мысли, переход от одной версии к другой и – как результат – неуверенность ни в одной из них. Читаем у Ожегова: “*Сомневаться*. Испытывать сомнение относительно кого-чего-нибудь. Сомнение. Неуверенность в истинности чего-нибудь, отсутствие твердой веры в кого-нибудь” (с. 689). Следовательно, глагол *сомневаться* отражает и мыслительные персуазивные процессы, когда наблюдается расщепление мыслительной деятельности человека, и эти два *Я* вступают в борьбу друг с другом. Похожая картина наблюдается в семантике глагола *колебаться*, но здесь переходы от одного полюса мыслительной деятельности к другому представлены более подчеркнуто.

Глагол *раздвоиться* отражает первый шаг расщепления мыслей языковой личности, что приводит к сомнениям, колебаниям, к неуверенности.

Если в рассмотренных выше глаголах основная идея, приводящая к неуверенности, это идея раздвоения, то глаголы *предполагать, догадываться, полагать, прогнозировать, умозаключать* предлагают иные персуазивные маршруты.

Отметим, что это глаголы-персуазивы, и их первичная функция (как и

у глагола *сомневаться*) – выражение значений из областей уверенности/неуверенности. С их помощью эксплицируются смысловые структуры персуазивов *может быть, наверно, кажется, вряд ли* и под.

Но и в них самих наличествует весомый персуазивный смысловой компонент. Так, согласно Ожегову: “*Предполагать*, см. *Предположить*. *Предположить* – сделать предположение, допустить, умозаключить” (с. 528-529).

Как видим, значение данного глагола семантизируется через синонимический ряд, который, в свою очередь, требует раскрытия экспликации смысловой структуры.

Исходя из наших целей, мы можем дать здесь толкование: *Я, говорящий, довожу до вашего сведения, что оцениваемое явление представляет для меня нечто неизвестное; поэтому, не обладая достоверным знанием, я могу предложить только субъективную версию/ версии относительно обсуждаемого явления*. Как видим, глагол *предполагать* – это сложный персуазивный пучок смыслов, который отражает, кроме всего прочего, честность позиции говорящего.

Глагол *полагать* имеет иную персуазивную фактуру. Ожегов пишет: “Полагать что-нибудь, считать, думать” (с. 501). Заметим, что и здесь предлагается толкование через синонимический ряд.

С точки зрения персуазивного прочтения можно предложить следующее толкование: *Оцениваемое явление представляет для меня Икс, поэтому я не могу выразить уверенность; могу предложить свое субъективное видение положения дел, и думаю, что эта версия соответствует действительности*. Как видим, и в *полагать* отражена честность позиции говорящего, но, в отличие от *предполагать*, он склонен считать предъявляемую версию соответствующей реальному положению дел.

Глаголы *предугадывать, прогнозировать, предсказывать* отражают мыслительную деятельность, направленную на явление, которое может реализоваться (иметь место быть) в будущем. А будущее, как известно, “от богов”, т.е. вечный икс. Следовательно, все эти глаголы реализуют смысловой компонент из области неуверенности. Несколько иное прочтение приобретают те же глаголы в случае “вмешательства” такой морфологической категории, как вид (точнее – совершенный вид). Так, если предугадывать, предсказывать – это предложить версию, возможно реализуемую в будущем, то *предугадать, предсказать* могут отражать и ситуацию: *Реализовалось именно то, что предлагалось*. То же прочтение можно обнаружить и в глаголах типа *провидеть, пророчить, прорицать*. Ожегов толкует данные глаголы следующим образом: “*Предсказать*. Заранее сказать, что произойдет в будущем” (с. 529). “*Провидеть*. Мысленно представить себе” (с. 554). “*Прорицать* – то же, что и предсказывать”; *Пророчить*. Предсказывать, предвидеть (с. 567).

Персуазивны и глаголы *умозаключить, додуматься, догадаться*. Они отражают сложную мыслительную операцию, персуазивную сущность которой можно представить следующим образом: *Ситуация для меня неочевидна: на основе логических операций/ косвенных данных делаю вывод и субъективно уверен, что он (вывод) соответствует истинному положению дел.*

Рассмотрение некоторых из глаголов, отражающих мыслительную деятельность человека, как видим, убеждает в мысли, что персуазивный смысловой компонент в них занимает важное место.

Перейдем к рассмотрению глаголов, раскрывающих наиболее ярко свою персуазивную сущность в коммуникативном аспекте.

Это глаголы, которые являют собою сложно устроенные коммуникативные битвы с четко очерченными позициями коммуникантов, причем персуазивная составляющая в них играет важную роль. Рассмотрим некоторые из них:

Удивлять/ удивить/ удивиться/ поражать/ поразить/ изумлять/ изумить/ изумиться/ ошеломлять/ ошеломить. Все эти глаголы объединяет то, что они выражают эмоцию удивления разной степени интенсивности (по нарастающей, в данном случае). Эмоция удивления многогранна, имеет множество толкований; человек удивляется при встрече с тем, что так или иначе выходит за рамки его представлений о ходе вещей.

Согласно Ожегову: “*Удивляться* <...> прийти в удивление. Впечатление от чего-то неожиданного, странного, непонятного” (с. 764). Естественно, в этой неожиданности есть смысловой компонент: *У меня были иные представления об этом явлении*. Получая информацию, которая идет вразрез с ее представлениями, языковая личность испытывает удивление. Персуазивно данные глаголы можно истолковать следующим образом: *Полученная мною, адресатом, информация вызвала сильное эмоциональное потрясение, так как у меня были другие представления о явлении*. Это касается глаголов *удивить, поразить, изумить, ошеломить*. Здесь наиболее ярко представлена победа говорящего. Что касается ряда *удивиться/ поразиться/ изумиться/ опешить*, то здесь наиболее четко отражена позиция адресата, который не только потрясен, но и вынужден признать свое поражение. В данных глаголах, в их смысловых объемах, представлены весьма рельефно и коммуникативные намерения говорящего, и перлокутивный эффект, когда адресат в принципе вынужден принять точку зрения инициатора. Словом, здесь представлены коммуникативные битвы с весьма четким исходом: победой картины мира говорящего. А позиция адресата может быть эксплицирована как: *Я вынужден принять достоверность того, что предлагает говорящий*. Естественно, это всего лишь одно из прочтений эмоции удивления, и мы освещаем именно его, так как именно здесь персуазивность играет важную роль.

Обратим внимание еще на одну особенность: вид глагола играет здесь важную роль, именно совершенный вид наиболее четко “расставляет по местам” позиции коммуникантов.

Еще более рельефно проявляется коммуникативная персуазивная сущность русского глагола в парах: *доказывать/ доказать; убеждать/ убедить/ разубедить/ разубедить; переубеждать/ переубедить*. Начнем со словарных толкований. “Доказать <...>. Подтвердить какое-нибудь положение фактами или доводами” (с. 146). В данном толковании схвачено главное персуазивное в значении глагола *доказать/ доказывать*: подтвердить фактами, т.е. заставить поверить в достоверность обсуждаемого положения дел. И именно данное толкование подталкивает к коммуникативному осмыслению рассматриваемого глагола. Думается, что ситуация, отраженная в *доказать/ доказывать* следующая: *Я говорящий, являясь носителем достоверного знания о явлении, знаю/ предполагаю, что у тебя, адресата, есть сомнения по этому поводу; моя задача – рассеять эти сомнения, заставить тебя принять достоверность предложенной картины мира.*

Как было подчеркнуто, важную роль в разрешении коммуникативной персуазивной битвы играет вид глагола. В случае несовершенного вида исход коммуникации остается неясным: можно всю жизнь *доказывать*, и безрезультатно. Совершенный вид сигнализирует о том, что коммуникативная битва завершилась победой инициатора и поражением адресата. Более того: глагол отражает и то, что происходит трансформация взглядов реципиента, он вынужден признать достоверность картины мира, предлагаемой говорящим.

Подобную ситуацию можно наблюдать и в паре *убеждать/ убедить*. И здесь в выявлении окончательных результатов решающее слово за видом глагола, а именно – совершенным, так как при *убедить* очень четко очерчиваются позиции партнеров с победой одной стороны и персуазивным поражением другой (адресата). И опять поражение сопровождается трансформацией позиции, признанием достоверности картины мира, отстаиваемой говорящим.

То же наблюдаем и в парах: *уверять/ уверить; разуверять/ разуверить; разубеждать/ разубедить* и т.д. Естественно, важной в анализе подобного типа остается проблема степени честности говорящего в его стремлении во что бы то ни стало навязать свое видение ситуации, но это уже цель иного исследования.

Очень разные прочтения персуазивной фактуры русского глагола предоставляет дискурсивный аспект, но так как дискурс – это контекст, причем универсальный, а условием проведенного анализа было ограничение “внутриглагольным” контекстом, то ограничимся психоэмоциональным, мыслительным и коммуникативным аспектами. Думается, что и про-

веденного анализа достаточно для того, чтобы убедиться в отягощенности семантической структуры русского глагола персуазивным смысловым компонентом.

Ключевые слова: *персуазивность, семантика глагола, эмоциональный и ментальный миры, коммуникация*

ՄԲԲՈՒՅԻ ԼԱՄԲԱՐՋՅԱՆ – Դիտարկումներ ռուսերենում բայի պերսուազիվ իմաստի վերաբերյալ – Հոդվածը նվիրված է բայի իմաստային կառուցվածքի պերսուազիվ բաղադրիչ մասին: Ուսումնասիրությունը թույլ է տալիս հաստատել, որ ռուսերենում մեծ թվով բայեր ունեն համոզվածության/ոչ համոզվածության իմաստային դաշտերին պատկանող բաղադրիչներ, որոնք արտահայտվում են հուզական, մտավոր և հաղորդակցական ոլորտներում:

Բանալի բառեր – *պերսուազիվ կարգ, բայի իմաստ, հուզական և մտավոր աշխարհներ, հաղորդակցություն*

SRBUHI LAMBARJYAN – On the Persuasive Substance of Russian Verb. – The article is devoted to analysing of persuasive semantic component in the meaning structure of the Russian verb. The research shows that Russian verbs have persuasive component, which expresses in emotional, mental verbs and “verbs – communications”. The author considers several classes of Russian verbs and shows that some of them expresses persuasive meaning directly and others indirectly.

Key words: *persuasiveness, emotional and mental aspects of communication*

Поступление: 20.06.2019

Рец.: 03.07.2019

Принято к печати: 15.07.2019